

Фалалеева И.Н.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1920-1930-е гг. (НА АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛАХ ВОЛГО-ДОНСКОГО РЕГИОНА)

Аннотация: Статья посвящена актуальной историко-правовой проблеме, а именно анализу языковой политики советского государства как одного из важных направлений правовой политики в национальном вопросе. Опираясь на новые архивные материалы, автор показывает, как организационное и правовое обеспечение возможности получить образование на родном языке и обязанности советских управленцев вести делопроизводство на местных языках, отражало субъектность народов Нижне-Волжского края, в частности, национальных меньшинств, переведенных на новый тюркский алфавит – НТА. Методологией исследования является принцип историзма. В качестве методов исследования применяются сравнительно-правовой, историко-культурный, ситуационный (конкретно-исторический), метод критического анализа источников, а также историографической критики. В итоге проведенного анализа подтверждается тезис о том, что советские управленцы были вынуждены следовать иерархии политических административных единиц также и в правовой политике в отношении языка. Количество языков, «обязательное» для успешного карьерного роста, варьировалось в зависимости от административно-территориального статуса субъекта. Латинизация графики языков национальных меньшинств Волго-Донского региона принесла неоднозначные результаты.

Ключевые слова: Правовая политика, новый тюркский алфавит, национальный вопрос, национальные меньшинства, коренизация аппарата, латинизация, автономная республика, автономная область, этническая правосубъектность, языковое строительство.

Abstract: This article focuses on the historico-legal issue, namely the analysis of the language policy in the Soviet Union, as one of the main vectors of the legal policy within the framework national question. Basing on the new archive materials, the author points out that the organized and legal support of the ability to obtain higher education in native language and responsibilities of the Soviet government officials to conduct clerical correspondence in local languages reflected the subjectivity of the Lower Volga Krai residents, including the national minorities transferred over to the new Turkic alphabet. In the course of the conducted research, the author confirms the thesis that the Soviet government officials were forced to follow the hierarchy of political administrative divisions as well as legal policy with regards to language. The amount of languages “necessary” for a successful career advancement varied depending on the administrative territorial status of a constituent. Latinisation of language graphics of national minorities in the Volga-Don region produced controversial results.

Keywords: Ethnic legal personality, Autonomous region, Autonomous Republic, Latinisation, Localization of institution, National minorities, National question, New Turkic alphabet, Legal regulation, Language promotion.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Волгоградской области в рамках научно-исследовательского проекта №: 14-13-34010 «Этнокультурная правосубъектность народов Волго-Донского региона в исторической ретроспективе (XIX – XX века)».

Становление и развитие национальных культур – «национальных по форме и социалистических по содержанию» являлось неотъемлемым элементом политики «коренизации», проводимой в 1920 – 1930-е гг. Смысл её сводился к укреплению позиций советской власти в регионах за счет пополнения эшелона управленцев местными кадрами и развития образования на местных языках. Только через родные

языки можно было воздействовать на сознание масс, укоренить новую правовую систему, сделать советскую власть близкой и понятной. Поэтому правовая политика большевиков в национальном вопросе содержала языковой компонент как необходимое условие для обеспечения такого воздействия.

Если следовать одному из распространенных определений, то под языковой политикой понимается

«Совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [1, с. 50]. По верному замечанию цитируемого автора, законодательное закрепление статуса языка составляет лишь малую часть правовой политики. Самыми действенными и эффективными институтами реализации языковой политики являются системы административного управления, образования, религии, средств массовой информации [1] и, добавим к этому, права. Языковое строительство имеет, как минимум, два аспекта: формирование норм литературного языка и определение функций языка в обществе [2, с. 105]. Для целей нашей работы важно отметить, что акценты в изучении языковой политики закономерно разнятся у социальных историков, социологов языка, этнологов, и историков права и государства. Последние держат в фокусе главным образом общественные функции языка и письма в юридическом измерении. Отсюда вытекает задача показать, как языковая и в целом образовательная политика отражали формирование правовой этносубъектности.

Поскольку язык является одним из квалифицирующих признаков этноса, постольку, законодательно закрепляя в республиках и автономиях статус языков в качестве «государственных» или «официальных», советские управленцы воспроизводили логику иерархического построения этно-территориального государства. Численное преобладание титульной этнической общности было обязательным условием создания субъекта федерации и повышения группового статуса. То же касалось языков. Например, в 1920-х гг. вопрос о государственном языке неодинаково решался в конституциях союзных республик. Конституция Украинской ССР признавала языки всех народов, населяющих республику, равноправными и не закрепляла какой-либо язык в качестве государственного. В Белорусской ССР было четыре государственных языка: белорусский, русский, еврейский (идиш) и польский. Понятно, что в годы проведения «коренизации госаппарата» для успешной карьеры обязательно было владеть титульным [3, с. 200]. Следовательно, представители «нетитульных» этносов оказывались в наименее выгодном положении, так как в процессе получения образования им приходилось осваивать три языка: родной, титульный для данного субъекта и русский как язык межнационального общения.

Применительно к Волго-Донскому региону уместно сослаться на Конституцию АССР немцев Поволжья 1937 г., где в статьях 27; 77; 87 содержалось положение о равноправии немецкого, русского и других языков.

А.А. Герман полагает, что это служило основанием для ведения официального делопроизводства в каждом районе на языке населения, составлявшего в нём большинство (а оно могло быть и украинское) [4, с. 38]. Но в Конституции АССР НП, в отличие от Декрета СНК РСФСР об АССР НП от 20 февраля 1924 г. [5, п. 11] это положение прямо не повторяется, хотя в ст. 77 о языке судопроизводства все же латентно закрепляется иерархия языков, так как в начале упоминается титульный немецкий, а затем – русский [6]. Знание немецкого языка было необходимо для занятия какой-либо должности в республике, а значит, выступало одним из оснований возникновения взаимосвязи «личность» – «государство» и для работников советского и партийного аппарата. Таким образом, количество языков, «обязательных» для успешного карьерного роста, варьировалось в зависимости от административно-территориального статуса субъекта.

По данным на 1932 г. в Нижне-Волжском крае большинство населения составляли русские и казаки. В Хоперском и Сталинградском округах Нижне-Волжского края (без учета г. Сталинграда) соответственно проживало 82% и 53% казаков [7]. При этом, национальные меньшинства составляли 25% населения края: помимо АССР немцев Поволжья и Калмыцкой автономной области были выделены следующие национальные районы: Самойловский, Владимировский, Николаевский – украинские; Володарский – казахский; Наримановский – татаро-ногайский и Петровский – мордовский [8].

Несмотря на то, что в РСФСР велось преподавание на 104 языках и обучение на родном языке способствовало превращению школы в инструмент этнической самоидентификации личности, не все этнические группы имели равные возможности в этнокультурном развитии. Это касалось и в Волго-Донского региона, одного из самых полиэтничных в РСФСР. В докладе Крайно по народному образованию за 1929/1930 г. применительно к Нижне-Волжскому краю выделялись три основные группы нацменьшинств, исходя из культурного неравенства: 1) отсталые в культурном отношении (казахи, татары, калмыки, чуваша, мордва); 2) говорящие на русском языке (украинцы, евреи, армяне); 3) стоящие на высокой ступени развития и говорящие также на своем языке (немцы, поляки, чехословаки) [9]. Основанием такого деления послужили данные переписи 1926 г., а именно статистика по уровню грамотности вышеперечисленных народов.

Народы, причисленные к культурно-отсталым, в силу тотальной неграмотности нуждались в особом

подходе. Большевики нашли для них, как казалось, адекватный способ решения проблемы образования. Важной составляющей языковой политики в Волго-Донском регионе явилась латинизация алфавита для тюркских и калмыцкого языков. Новый тюркский алфавит – НТА, или на языке тюркских народов, яналиф, (далее по тексту – НА, новый алфавит) внедрялся в СССР в 1921 – 1938 гг. Смысл латинизации состоял в символическом и функциональном разрыве с местными религиозными традициями (мусульманской, христианской, для калмыков – буддийской), и преодолении социально-функциональной ограниченности тюркских и монгольских языков, не знающих понятий, связанных с революционными преобразованиями. Исследователи сегодня неоднозначно оценивают результаты языковой политики исследуемого периода, оговаривая, что они часто расходились с целями [10, с. 51, 80]. С одной стороны, латинизация расценивается как деисламизация и дерусификация [11, с. 53 – 54], [12, с. 266 – 278:]. С другой стороны, подчеркивается, что латинизация графики, при всех издержках, к середине 1930-х гг. создала условия для решения задачи исторического значения – введения всеобщего обязательного начального обучения, более 50 этносов впервые получили письменность на родном языке [13, с. 792], [14, с. 72 – 74].

В местных архивах сохранилось множество делопроизводственной документации, иллюстрирующей картину национально-культурного развития, ликвидации безграмотности в крае, в том числе, с помощью введения НТА. Организационно-правовая работа по его внедрению проходила в спешке, при этом оформлялась значительным числом региональных нормативно-правовых актов. Например, резолюцией Президиума Крайкома по докладу о введении НТА среди тюркско-татарских народностей Нижне-Волжского края, принятой в 1929 г. во исполнение Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 15.12.1928 г., предписывалось сократить срок введения нового алфавита до двух лет [15]. Замзав Крайон Эйсмонт в письме в Президиум Крайисполкома от 9 февр. 1930 г. сетовал: «Латинизация тюркских алфавитов – необходимая предпосылка внедрения социалистической культуры... между тем средств на проведение переподготовки учителей, литературы, работников совпарата нет: Крайон испрашивал 54 тыс. согласно разверстке СНК РСФСР на введение НТА в Нижне-Волжском крае. Крайфинотдел отказался включить эти средства в смету крайон. Прошу Президиум изыскать средства» [16]. В краевых отчетах за 1929/30 и 1930/31 уч. годы читаем: «В первое время НТА со стороны населения не было возражений. Но в

связи с отсутствием руководства из Краевого центра, реакционные слои населения, особенно духовенство, стали агитировать против. В газетах пропаганда НТА ведется слабо» [17].

Редактор татарской газеты «Ялкон», тов. Руминов на Первом Краевом совещании нацколхозов 21-24 февр. 1932 г. признался: « Я хочу обратить внимание совещания на то, что... наша газета не читается, потому что она написана на латинизированном алфавите, а люди на этом алфавите не грамотны» [18]. Позднее представители ЦК Нового алфавита РСФСР на второй Нижне-Волжской конференции 1932 г. заметят: «Латинизация письменности у татар встретила здесь [в Нижне-Волжском крае] сильное сопротивление, что объясняется большим количеством грамотных на арабском алфавите» [19]. В этой связи интересно заметить, что еще в 1919 г. Царицынским горнацотделом в Казани было закуплено 27 пудов арабского шрифта на 11 тыс. рублей [20]. Как видим, даже «точечное» проявление солидарной активности нацменьшинств могло серьезно влиять на результаты языковой политики в регионе.

С не меньшими трудностями реализовывалась языковая и образовательная политика у калмыков. Процесс реформирования калмыцкой письменности условно прошел три этапа: 1924-1927 гг. – перевод на кириллицу; 1928-1938 гг. – латинизация графики калмыцкой письменности; 1938-1941 гг. – возврат к русской графике [21, с. 11]. Такие колебания не могли дать однозначно положительного результата.

В докладной записке 1931 г. в Президиум Нижне-Волжского крайисполкома о состоянии и мероприятиях по проведению НА по Нижне-Волжскому краю значится: «К настоящему времени количество населения, перешедшего на НА насчитывает 275 тыс. человек, из них татаро-ногайцев – 97 тыс., калмыков – 115 тыс., казахов – 56 тыс., башкир – 3 тыс., других (туркмен, узбеков, карагачей и др.) – 4 тыс. Удельный вес народностей, перешедших на НА в общем составе населения края – 5%. В результате 2,5 летней работы достигли значительных успехов». Далее называются поистине сказочные результаты обучения грамотности на НА: если в 1926 г. на старом алфавите среди калмыков насчитывалось 10,3% грамотного населения, то за один только 1931 г., с января по декабрь, грамотность на НА «взлетела» с 39,4% до 92,5% [22].

К 10-летию юбилею Калмыцкой автономной области (1 сент. 1931 г.) очень спешили полностью ликвидировать безграмотность. 1931/1932 уч. год объявили переломным в усилении коренизации школы, перехода на преподавание на калмыцком языке, обеспечения

учебной литературой. По статистическим данным «культштурм» позволил охватить обучением 89%, а по отдельным улусам – 99,4% [23]. 29 декабря 1931 г. на совещании отдела национальностей Нижне-Волжского краевого исполкома в постановлении фиксируются фантастические цели: «В двухмесячный срок провести унификацию калмыцкого алфавита с другими монгольскими алфавитами, [...] в двух декадный срок создать полиграфическую базу НТА, изъять из продажи всю литературу на старом алфавите. Сократить срок проведения коренизации аппарата к 1 мая 1933 г.» [24]. Как отмечается в литературе, реальная грамотность среди калмыцкого населения была значительно ниже [25], [26].

Делопроизводство в районных и сельских организациях Нижне-Волжского края и в 1933 г. велось, в основном, на русском языке [27, с. 60]. Административное насаждение коренизации на местах инертно продолжалось до середины 1930-х гг., когда в центре цели национальной политики уже переформатировались.

Таким образом, вышесказанное позволяет заключить, что реализация языковой политики в первые

десятилетия советской власти проводилась в Волго-Донском регионе, в том числе, через внедрение НТА. В латинизации проявились две противоречивые тенденции: первая – увести народы от русификаторской политики царского режима, на символическом уровне отказавшись от всего «старого» (реформа календаря, русского алфавита, секуляризация и стигматизация церкви – из этого же ряда), вторая – продемонстрировать, что для большевиков самоопределение народов касается и свободного выбора письма. Предоставив право обучаться на родном языке и вменив в обязанность управленцам вести делопроизводство на местных языках, большевики добавили серьезный штрих в оформление правовой субъектности народов советского государства. При этом реализация указанных прав и обязанностей в полном соответствии с партийными задачами, оформленными правовыми актами, изначально выглядела лишь как идеал, мало обеспеченный квалифицированными кадрами и материальными ресурсами. В местных архивах не отложилось документации на НТА, что косвенно свидетельствует о том, что в делопроизводство его внедрить так и не успели.

Библиография:

1. Дятленко П. И. Языковая политика и языковые реформы в государственном национальном строительстве (аналитический обзор)//Социологическое обозрение. Том 6. 2007. № 3. С. 49-59.
2. Гак В. Г. К типологии форм языковой политики//Вопросы языкознания. 1988. №5. С. 104-134.
3. Красовицкая Т.Ю. Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности//Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. Отв. ред. Красовицкая Т.Ю., Тишков В.А. РАН, Институт российской истории. М. 2012. С. 151-206.
4. Герман А. А. Исторический феномен Республики Немцев Поволжья (1918–1941 гг.)//Российская история. 2012. № 4. С. 27-46.
5. Декрет СНК РСФСР об АССР немцев Поволжья от 20.02.1924 г.//<http://www.consultant.ru/>.
6. Конституция (Основной закон) АССР Немцев Поволжья. Росиздат АССР НП. Энгельс. 1937. – 30 с.
7. ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1342. Л. 58.
8. ГАВО. Ф. Р-2084. Оп. 2. Д.
9. Л. 24. 9.ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1342. Л. 291.
10. Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917-2000 гг. Социоллингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт + ИВ РАН, 2000. – 224 с.
11. Дятленко П. И. Языковая политика и языковые реформы в государственном национальном строительстве (аналитический обзор)//Социологическое обозрение. Том 6. 2007. № 3. С. 49-59.
12. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. /Пер. с англ. О. Р. Щёлоковой. Москва: РОССПЭН, 2011. – 855 с.
13. Чеботарева В. Г. Национальная политика Российской Федерации 1925 – 1938 гг. М.: ГУ МДН. 2008. – 832 с.
14. Красовицкая Т. Ю. От столыпинской к сталинской модернизации образовательного пространства России (1905 – конец 1920-х гг.)//Советские нации и национальная политика в 1920-1950-е гг. Материалы VI Международной конференции. Киев. 2013. М.: РОССПЭН. 2014. С. 65 – 75.
15. ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1349. Л. 40.
16. ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1341. Л. 36.
17. ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1342. Л. 269.
18. ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1342. Лл. 130-131.
19. ГАВО. Ф. Р-2084. Оп. 2. Д 9. Л. 37.
20. ЦДНИВО. Ф.1, Оп.1, Д.69, Л.32.
21. Китляева С. Д. Реформы национальной письменности и их влияние на развитие народного образования в Калмыкии :1917-1941 гг. Автореферат дисс. на соиск. степ. к. и. н. Пятигорск 2008. – 24 с.

22. ГАВО. Р-313. Оп. 1. Д. 1354. Л. 16.
23. ГАВО. Р-313. Оп. 1. Д. 1354. Л. 2-5.
24. ЦДНИВО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 14. Л. 43 – 54.
25. Корнилова И. М. Деятельность органов советской власти в Калмыкии по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения//Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3(36). С. 27 – 32.
26. Сартикова Е. В. Народное образование как механизм советской модернизации Калмыкии в 1920–30-х гг.//Власть. 2010. № 11. С. 134 – 136.
27. Тажурзин А. Работа среди нацмен Нижне-Волжского края//Революция и национальности. 1933. № 10.

References (transliterated):

1. Dyatlenko P. I. Yazykovaya politika i yazykovye reformy v gosudarstvennom natsional'nom stroitel'stve (analiticheskii obzor)// Sotsiologicheskoe obozrenie. Tom 6. 2007. № 3. S. 49-59.
2. Gak V. G. K tipologii form yazykovoi politiki//Voprosy yazykoznaviya. 1988. №5. S. 104-134.
3. Krasovitskaya T.Yu. Konflikt idealov i praktik rannei sovetskoi gosudarstvennosti//Etnicheskii i religiozniy faktory v formirovani i evolyutsii rossiiskogo gosudarstva. Otv. red. Krasovitskaya T.Yu., Tishkov V.A. RAN, Institut rossiiskoi istorii. M. 2012. S. 151-206.
4. German A. A. Istoricheskii fenomen Respubliki Nemtsev Povolzh'ya (1918–1941 gg.)//Rossiiskaya istoriya. 2012. № 4. S. 27-46.
5. Alpatov V. M. 150 yazykov i politika. 1917-2000 gg. Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva. M.: Kraft + IV RAN, 2000. – 224 s.
6. Dyatlenko P. I. Yazykovaya politika i yazykovye reformy v gosudarstvennom natsional'nom stroitel'stve (analiticheskii obzor)// Sotsiologicheskoe obozrenie. Tom 6. 2007. № 3. S. 49-59.
7. Martin T. Imperiya «polozhitel'noi deyatelnosti». Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939. /Per. s angl. O. R. Shchelokovoi. Moskva: ROSSPEN, 2011. – 855 s.
8. Chebotareva V. G. Natsional'naya politika Rossiiskoi Federatsii 1925 – 1938 gg. M.: GU MDN. 2008. – 832 s.
9. Krasovitskaya T. Yu. Ot stolyupinskoi k stalinskoi modernizatsii obrazovatel'nogo prostranstva Rossii (1905 – konets 1920-kh gg.)//Sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920-1950-e gg. Materialy VI Mezhdunarodnoi konferentsii. Kiev. 2013. M.: ROSSPEN. 2014.. 2014. S. 65 – 75.
10. Kitlyayeva S. D. Reformy natsional'noi pis'mennosti i ikh vliyanie na razvitie narodnogo obrazovaniya v Kalmykii :1917-1941 gg. Avtoreferat diss. na soisk. step. k. i. n. Pyatigorsk 2008. – 24 s.
11. Kornilova I. M. Deyatel'nost' organov sovetskoi vlasti v Kalmykii po likvidatsii negramotnosti i malogramotnosti sredi vzroslogo naseleniya//Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura. 2013. № 3(36). S. 27 – 32.
12. Sartikova E. V. Narodnoe obrazovanie kak mekhanizm sovetskoi modernizatsii Kalmykii v 1920–30-kh gg.//Vlast'. 2010. № 11. S. 134 – 136.
13. Tazhurizin A. Rabota sredi natsmen Nizhne-Volzhskogo kraya//Revolutsiya i natsional'nosti. 1933. № 10.